

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

Обзор поэтической деятельности Батюшкова; характер его поэзии. – Гнедич; его переводы и оригинальные сочинения. – Мерзляков. – Князь Вяземский. – Журналы конца карамзинского периода

Батюшков далеко не имеет такого значения в русской литературе, как Жуковский. Последний действовал на нравственную сторону общества посредством искусства; искусство было для него как бы средством к воспитанию общества. Заслуга Жуковского собственно перед искусством состояла в том, что он дал возможность содержания для русской поэзии. Батюшков не имел почти никакого влияния на общество, пользуясь великим уважением только со стороны записных словесников своего времени, и, хотя заслуги его перед русскою поэзиею велики, – однакож, он оказал их совсем иначе, чем Жуковский; Он успел написать только небольшую книжку стихотворений, и в этой небольшой книжке не все стихотворения хороши, и даже хорошие далеко не все равного достоинства. {1} Он не мог иметь особенно сильного влияния на современное ему общество и современную ему русскую литературу и поэзию: влияние его обнаружилось на поэзию Пушкина, которая приняла в себя или, лучше сказать, поглотила в себя все элементы, составлявшие жизнь творений предшествовавших поэтов. Державин, Жуковский и Батюшков имели особенно сильное влияние на Пушкина: они были его учителями в поэзии, как это видно из его лицейских стихотворений. Все, что было существенного и жизненного в поэзии Державина, Жуковского и Батюшкова, – все это присуществилось поэзии Пушкина, переработанное ее самобытным элементом. Пушкин был прямым наследником поэтического богатства этих трех маэстро русской поэзии, – наследником, который собственною деятельностью до того увеличил полученные им капиталы, что масса приобретенного им самим подавила собою полученную и пущенную им в оборот сумму. Как умели и могли, мы старались показать и открыть существенное и жизненное в поэзии Державина и Жуковского; теперь остается нам сделать это в отношении к поэзии Батюшкова.

Направление поэзии Батюшкова совсем противоположно направлению поэзии Жуковского. Если неопределенность и туманность составляют отличительный характер романтизма в духе средних веков, – то Батюшков столько же классик, сколько Жуковский романтик: ибо определенность и ясность – первые и главные свойства его поэзии. И если б поэзия его, при этих свойствах, обладала хотя бы столь же богатым содержанием, как поэзия Жуковского, – Батюшков, как поэт, был бы гораздо выше Жуковского. Нельзя сказать, чтоб поэзия его была лишена всякого содержания, не говоря уже о том, что она имеет свой, совершенно самобытный характер; но Батюшков как будто не сознавал своего призвания и не старался быть ему верным, тогда как Жуковский, руководимый непосредственным влечением своего духа, был верен своему романтизму и вполне исчерпал его в своих произведениях. Светлый и определенный мир изящной, эстетической древности – вот что было призванием Батюшкова. В нем первом из русских поэтов художественный элемент явился преобладающим элементом. В стихах его много пластики, много скульптурности, если можно так выразиться. Стих его часто не только слышим уху, но видим глазу: хочется ощупать извивы и складки его мраморной драпировки. Жуковский только через Шиллера познакомился с древнею Элладю. Шиллер, как мы заметили в предшествовавшей статье, смотрел на Грецию преимущественно с романтической стороны ее, – и русская поэзия не знала еще Греции с ее чисто художественной стороны, не знала Греции как всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтоб научиться быть изящною поэзиею. В анакреонтических стихотворениях Державина проблескивают черты художественного резца древности, но только проблескивают, сейчас же теряясь в грубой и неуклюжей обработке целого. И эти проблески античности тем больше делают чести Державину, что он, по своему образованию и по времени, в которое жил, не мог иметь никакого понятия о характере древнего искусства и если приближался к нему в проблесках, то не иначе, как благодаря только своей поэтической натуре. Это показывает, между прочим, чем бы мог быть этот поэт и что бы мог он сделать, если б явился на Руси в другое, более благоприятное для поэзии время. Но Батюшков сблизился с духом изящного искусства греческого сколько по своей натуре, столько и по большему или меньшему знакомству с ним через образование. Он был первый из русских поэтов, побывавший в этой мировой студии мирового искусства; его первого поразили эти изящные головы, эти соразмерные торсы – произведения волшебного резца, исполненного благородной простоты и спокойной пластической красоты. Батюшков, кажется, знал латинский язык и, кажется, не знал греческого; неизвестно, с

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru какого языка перевел он двенадцать пьес из греческой антологии: этого не объяснено в коротеньком предисловии к изданию его сочинений, сделанному Смирдиным; но приложенные к статье «О греческой антологии» французские переводы этих же самых пьес позволяют думать, что Батюшков перевел их с французского. {2} Это последнее обстоятельство разительно показывает, до какой степени натура и дух этого поэта были родственны эллинской музе. Для тех, кто понимает значение искусства как искусства и кто понимает, что искусство, не будучи прежде всего искусством, не может иметь никакого действия на людей, каково бы ни было его содержание, – для тех должно быть понятно, почему мы приписываем такую высокую цену переводам Батюшкова двенадцати маленьких пьесок из греческой антологии. В предшествовавшей статье мы выписали большую часть антологического его пьес; здесь приведем для примера одну, самую короткую:

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенья; {3}
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслажденье!

Такого стиха, как в этой пьеске, не было до Пушкина ни у одного поэта, кроме Батюшкова; мало того: можно сказать решительнее, что до Пушкина ни один поэт, кроме Батюшкова, не в состоянии был показать возможности такого русского стиха. После этого Пушкину стоило не слишком большого шага вперед начать писать такими антологическими стихами, как вот эти:

Счастливей юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.
Или вот эти:

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар
Стыдливость робкая, харит бесценный дар.
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

Вообще надо заметить, что антологические стихотворения Батюшкова уступят антологическим пьесам Пушкина только разве в чистоте языка, чуждого произвольных усечений и всякой неровности и шероховатости, столь извинительных и неизбежных в то время, когда явился Батюшков. Совершенство антологического стиха Пушкина – совершенство, которым он много обязан Батюшкову, – отразилось вообще на стихе его. Приводим здесь снова два последние стиха выписанной нами антологической пьесы:

Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслажденье!
Вспомните стихотворение Пушкина: «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю» (т. IV, стр. 303): стихотворение это несколько не антологическое, но посмотрите, как последние стихи его напоминают свою фактуру антологическую пьесу Батюшкова:

И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Благодаря Пушкину тайна антологического стиха сделалась доступна даже обыкновенным талантам; так, например, многие антологические стихотворения Г. Майкова не уступают в достоинстве антологическим стихотворениям Пушкина, между тем как Г. Майков не обнаружил никакого дарования ни в каком другом роде поэзии, кроме антологического. {4} После Г. Майкова встречаются превосходные стихотворения в антологическом роде у Г. Фета. Г. Майков нашел себе подражателя в Г. Крешеве, {5} антологические стихотворения которого не совсем чужды поэтического достоинства, – и явились такие стихотворения в начале второго десятилетия настоящего века, они составили бы собою эпоху в русской литературе; а теперь их никто не хочет и замечать, – что не совсем неосновательно и несправедливо. Какого же удивления заслуживает Батюшков, который первый на Руси создал антологический стих, только разве по языку и то весьма немногим уступающий антологическому стиху Пушкина? И вправе ли мы думать, что Батюшкову обязан Пушкин своим антологическим, а вследствие этого и вообще своим стихом?

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Жуковский не мог не иметь большого влияния на Пушкина; кому неизвестно его обращение к нему, как к своему учителю, в «Руслане и Людмиле»?

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей

Наперсник, пестун и хранитель!

Дальнейшие стихи этого отрывка, несмотря на их шуточный тон, показывают, как сильно действовали на детское воображение Пушкина даже и «Двенадцать спящих дев». Но влияние Жуковского на Пушкина было больше нравственное, чем артистическое, и трудно было бы найти и указать в сочинениях Пушкина следы этого влияния, исключая разве лицейские его стихотворения. Пушкин рано и скоро пережил содержание поэзии Жуковского, и его ясный, определенный ум, его артистическая натура гораздо более гармонировали с умом и натурою Батюшкова, чем Жуковского. Поэтому влияние Батюшкова на Пушкина виднее, чем влияние Жуковского. Это влияние особенно заметно в стихе, столь артистическом и художественном: не имея Батюшкова своим предшественником, Пушкин едва ли бы мог выработать себе такой стих.

Батюшкову, по натуре его, было очень сродно созерцание благ жизни в греческом духе. В любви он совсем не романтик. Изящное сладострастие – вот пафос его поэзии. Правда, в любви его, кроме страсти и грации, много нежности, а иногда много грусти и страдания; но преобладающий элемент ее всегда – страстное вожделение, увенчаемое всею нею, всем обаянием исполненного поэзии и грации наслаждения. Есть у него пьеса, которую можно назвать апофеозой чувственной страсти, доходящей в неукротимом стремлении вожделения до бешеного и в то же время в высшей степени поэтического и грациозного безумия. Этим страстным вдохновением обязан наш поэт самой древности, и содержание взято им из ее мифологической жизни: оно в ярких красках рисует веселое празднество и обаятельно буйных, очаровательно бесстыдных жриц Вакха:

Все на праздник Эригоны
Жрицы вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней – она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвевали.
Перевитые плющом,
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмелья желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград –
Все в неистовой прельщает,
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг; она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роце раздавались
«Эвоэ!» и неги глас. {6}

Такие стихи и в наше время превосходны; при первом же своем появлении они должны были поразить общее внимание, как предвестие скорого переворота в русской поэзии. Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских... Так все готово было к явлению Пушкина, – и, конечно, Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтоб имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением.

Судя по родственности природы Батюшкова с древнею музою и по его превосходному поэтическому таланту, можно было бы подумать, что он обогатил нашу литературу множеством художественных произведений, написанных в древнем духе, и множеством мастерских переводов с греческого и латинского, – ничуть не бывало! Кроме двенадцати пьес из греческой антологии, Батюшков ничего не перевел из греческих поэтов; а с латинского перевел только три элегии из Тибулла – и то вольным переводом. Перевод Батюшкова местами слаб, вял, растянут и прозаичен, так что тяжело прочесть целую элегию вдруг; но местами этот же перевод так хорош, что заставляет сожалеть, зачем Батюшков не перевел всего Тибулла, этого латинского романтика. Каков бы ни был перевод этот в целом, но места, подобные следующим, выкупили бы его недостатки:

Нет друга моего, нет Делии со мной.
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала;
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал –
И снова Делия печальна и уныла,
Слезами полный взор неволью обратила
На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься!» Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал печальным лобызаньем. {7}
Казалось, некий бог меня останавливал:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов, Сатурну, посвященный,
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
Страшится любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья,
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья.
И волхвованье жриц, и меди звучной стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священной водою? Все тщетно, милая,
Тибулла нет с тобою! Богиня грозная! спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украсит дивный храм весенними цветами,
И с распущенными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышат глас ее и жриц фарийских хоры.

.
.
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный май меж рощей и полей;
Где расцветает нарцисс и киннамона лозы
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум бьющих вод;
Там девы юные, сплетаясь в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви неумолимый рок.
Тот носит на челе из свежих мирт венки.

.
.
Но ты, мне верная, друг милый и бесценный,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной.
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы.
Забудешься, мой друг; и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной нагоде явись моим очам.
Власы, рассеяны небрежно по плечам.
Вся грудь лилейная и ноги обнажены...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блиставши принесет
И Делию Тибулл в восторге обоймет?
Элегия, из которой сделали мы эти выписки, не означена никакою цифрой. Она вся переведена превосходно, и если в ней много незаконных усечений и есть хотя один такой стих, как:

Богами свержены во области бездонны, {8} –
то не должно забывать, что все это принадлежит более к недостаткам языка, чем к недостаткам поэзии; а во время Батюшкова никто и не думал видеть в этом какие бы то ни было недостатки. Если перевод III элегии Тибулла и уступит в достоинстве переводу первой, тем не менее он читается с наслаждением; но XI элегия переведена Батюшковым более неудачно, чем удачно: немногие хорошие стихи затоплены в ней потоком вялой и растянутой прозы в стихах. Она довольно велика, но в ней можно указать на одно только место:

Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под знаменем ее воюем с красотой.
Ты плачешь, Ливия? но победитель твой –
Смотри! у ног твоих, колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает,
И вот уж среди вас размолвивших сидит!
Пусть молния богов бесщадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженьи!
Но счастлив, если мог в минутном исступленья
Венок на волосах каштановых измять
И пояс невзначай у девы развязать!
Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
Кроме двенадцати пьес из греческой антологии и трех элегий из Тибулла, памятником сочувствия и уважения Батюшкова к древней поэзии остается только переведенная им из Мильвуа поэма «Гезиод и Омир, соперники». Не имея под руками французского подлинника, мы не можем сравнить с ним русского перевода; но не много нужно проницательности, чтоб понять, что под пером Батюшкова эта поэма явилась более греческою, чем в оригинале. Вообще, эта поэма не без достоинств, хотя в то же время и не отличается слишком большими достоинствами, как бы этого можно было ожидать от ее сюжета.

Что мешало Батюшкову обогатить русскую литературу превосходными произведениями в духе древней поэзии и превосходными переводами, мы скажем об этом ниже.

Страстная, артистическая натура Батюшкова стремилась родственно не к одной Элладе: ей, как южному растению, еще привольнее было под благодатным небом роскошной Авзонии. Отечество Петрарки и Тасса было отечеством музы русского поэта. Петрарка, Ариост и Тассо, особливо последний, были любимейшими поэтами Батюшкова. Смерти Тассо посвятил он прекрасную элегию, которую можно принять за апофеозу жизни и смерти певца «Иерусалима»; стихотворение «К Тассу» – род послания, довольно большого, хотя и довольно слабого, также свидетельствует о любви и благоговении нашего поэта к певцу Годфреда; сверх того, Батюшков перевел, впрочем довольно неудачно, небольшой отрывок из «Освобожденного Иерусалима». Из Петрарки он перевел только одно стихотворение – «На смерть Лауры», да написал подражание его IX канцоне – «Вечер». Всем трем поэтам Италии он посвятил по одной прозаической статье, где излил свой восторг к ним, как критик. Особенно замечательно, что он как будто гордится, словно заслугой, открытием, которое удалось ему при многократном чтении Тассо: он нашел многие места и целые стихи Петрарки в «Освобожденном Иерусалиме», что, по его мнению, доказывает любовь и уважение Тассо к Петрарке.

И при всем том, Батюшков так же слишком мало оправдал на деле свою любовь к итальянской поэзии, как и к древней. Почему это – увидим ниже.

Страстность составляет душу поэзии Батюшкова, а страстное упоение любви – ее пафос. Он и переводил Парни и подражал ему; но в том и другом случае оставался самим собою. Следующее подражание Парни – «Ложный стыд»{9} – дает полное и верное понятие о пафосе его поэзии:

Помнишь ли, мой друг бесценный,
Как с Амурами, тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежной!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась – но слегка?
Слышен шум – ты испугалась;
Свет блеснул – и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась.
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась; я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх?
Гименей за все ручался,
И Амуры на часах.
Все в безмолвии глубоко,
Все почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы.
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б зевсова десница
Мне вручила ночь и день:
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой;
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!
В прелестном послании к Ж*** и В*** «Мои пенаты»{10} с такой же яркостью
высказывается преобладающая страсть поэзии Батюшкова:

И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок.
Приди под вечерок
Тайком, переодета!
Под шляпу мужской
И кудри золотые
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...

Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня;
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен, в сени беспечной
Кто милую своей,
Под кровом от ненастья
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..
Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты под окном, {11}
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет
И всё любовью дышит
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
И лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховойной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны златые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись,
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я лилы пью дыханье
На пламенных устах.
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!
Окончательные стихи этой прелестной пьесы представляют изящный эпикуреизм Батюшкова во всей его поэтической обаятельности;

Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель ночи

Ко прадедам снесут –
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас!
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сверитесь и цветами
Увейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы,
С листьями павилик:
И путник угадает
Без надписей златых.
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!

Нельзя не согласиться, что в этом эпикуреизме много человеческого, гуманного, хотя, может быть, в то же время много и одностороннего. Как бы то ни было, но здравый эстетический вкус всегда поставит в большое достоинство поэзии Батюшкова ее определенность. Вам может не понравиться ее содержание, так же как другого может оно восхищать; но оба вы, по крайней мере, будете знать – один, что он не любит, другой – что он любит. И уж, конечно, такой поэт, как Батюшков, – больше поэт, чем, например, Ламартин с его медитациями и гармониями, сотканными из вздохов, охов, облаков, туманов, паров, теней и призраков... Чувство, одушевляющее Батюшкова, всегда органически-жизненно, и потому оно не распространяется в словах, не кружится на одной ноге вокруг самого себя, но движется, растет само из себя, подобно растению, которое, проглянув из земли стебельком, является пышным цветком, дающим плод. Может быть, немного найдется у Батюшкова стихотворений, которые могли бы подтвердить нашу мысль; но мы не достигли бы до нашей цели – познакомить читателей с Батюшковым, если б не указали на это прелестное его стихотворение – «Источник»:

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам:
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! приближься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынной
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!
Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях,
Песни любви ты мне повторила –
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам:
Тише, источник! прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!
Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! – я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромн, источник пустынный
С ревом и с шумом стремясь по полям!
Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна! о Зафна! – смотри, там, в водах
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались, – цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

С ревом который сквозь дебри течет.

Время погубит и прелесть и младость!..

Ты улыбнулась, о дева любви!

Чувствуешь в сердце томленье и сладость,

Сильны восторги и пламень в крови!..

Зафна, о Зафна! – там голубь невинный

С страстной подругой завидуют нам..

Вздохи любви – источник пустынный

С ревом и шумом умчит по полям!

Нужно ли объяснять, что лежащее в основе этого стихотворения чувство, в начале

тихое и как бы случайное, в каждой новой строфе все идет crescendo[1],

разрешаясь гармоническим аккордом вздохов любви, унесенных пустынным источником..

И сколько жизни, сколько грации в этом чувстве!

Но не одни радости любви и наслаждения страсти умел воспевать Батюшков: как поэт нового времени, он не мог, в свою очередь, не заплатить дани романтизму. И как хорош романтизм Батюшкова: в нем столько определенности и ясности. Элегия его – это ясный вечер, а не темная ночь, вечер, в прозрачных сумерках которого все предметы только принимают на себя какой-то грустный оттенок, а не теряют своей формы и не превращаются в призраки.. Сколько души и сердца в стихотворении «Последняя весна», и какие стихи!

В полях блистает май веселый!

Ручей свободно зажурчал

И яркой голос филомелы

Угрюмый бор очаровал:

Все новой жизни пьет дыханье!

Певец любви, лишь ты уныл!

Ты смерти верной предвещанье

В печальном сердце заключил; –

Ты бродишь слабыми стопами

В последний раз среди полей,

Прощаясь с ними и с лесами

Пустынной родины твоей.

«Простите, рощи и долины,

Родные реки и поля!

Весна пришла, и час кончины

Неотразимой вижу я!

Так! Эпидавра прорицанье

Вещало мне: в последний раз

Услышишь горлиц воркованье

И гальционы тихий глас;

Зазеленеют гибки лозы,

Поля оденутся в цветы.

Там первые увидишь розы,

И с ними вдруг увянешь ты.

Уж близок час... цветочки милы,

К чему так рано увядать?

Закройте памятник унылый,

Где прах мой будет истлевать;

Закройте путь к нему собою

От взоров дружбы навсегда,

Но если Делия с тоскою

К нему приблизится: тогда

Исполните благоуханьем

Вокруг пустынный небосклон

И томным листьев трепетаньем

Мой сладко очаруйте сон!»

В полях цветы не увядали,

И гальционы в тихий час

Стенанья рощи повторяли;

А бедный юноша... погас!

И дружба слез не уронила

На прах любимца своего;

И Делия не посетила

Пустынный памятник его:

Лишь пастырь в тихий час денницы,

Как в поле стадо выгонял,

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

Грация – неотступный спутник музы Батюшкова, что бы она ни пела – буйную ли радость вакханалии, страстное ли упоение любви или грустное раздумье о прошедшем, скорбь сердца, оторванного от милых ему предметов. Что может быть грациознее этих двух маленьких элегий?

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся влася.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? – прикиннет к изголовью
И усладит печальный сон.

– –
Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами:
Но я – не к счастью пробужден
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовых лучей,
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей.
Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов,
И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива:
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви холодными словами.

Замечательно, что у Батюшкова есть прекрасная небольшая элегия, которая не что иное, как очень близкий и очень удачный перевод одной строфы из четвертой песни Байронова «Чайльда-Гарольда». Вот по возможности близкая передача в прозе этой строфы (CLXXVIII): «Есть удовольствие в непроходимых лесах, есть прелесть на пустынном берегу, есть общество вдали от докучных, в соседстве глубокого моря, и в ропоте волн его есть своя мелодия. Я тем не менее люблю человека, но я тем более люблю природу вследствие этих свиданий с нею, на которые я спешу, забывая все, чем бы я мог быть или чем был прежде, для того чтобы сливаться со вселенною и чувствовать то, что я никогда не буду в состоянии выразить, но о чем однакож не могу и молчать». – Вот перевод Батюшкова:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю – но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов;
Тобюю в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

Козлов перевел и следующие пять строф и выдал это за собственное произведение: по крайней мере, в третьем издания его сочинений не означено, откуда взято первое стихотворение во второй части «К морю», посвященное Пушкину. К довершению всего, перевод так водян, что в нем нет никаких признаков Байрона. Сравните три последние стиха первого куплета с переводом Батюшкова:

Природу я душою обнимаю.
Она милей; постичь стремлюся я
Все то, чему нет слов, но что таить нельзя.
То ли это?..

Беспечный поэт-мечтатель, философ-эпикурец, жрец любви, неги и наслаждения, Батюшков не только умел задумываться и грустить, но знал и диссонансы сомнения, и муки отчаяния. Не находя удовлетворения в наслаждениях жизни и нося в душе страшную пустоту, он восклицал в тоске своего разочарования:

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям,
И что ж? – их урны обнимаем!

Так все здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?
Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали;
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвны пребывали.
Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает:
Так ум мой посреди волнений погибал. {12}
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погасал,
И музы светлые сокрылись.

Бросая общий взгляд на поэтическую деятельность Батюшкова, мы видим, что его талант был гораздо выше того, что сделано им, и что во всех его произведениях есть какая-то недоконченность, неровность, незрелость. С превосходнейшими стихами мешаются у него иногда стихи старинной фактуры, лучшие пьесы не всегда выдержаны и не всегда чужды прозаических и растянутых мест. В его поэтическом призвании Греция борется с Италией, а юг с севером, ясная радость с унылою думою, легкомысленная жажда наслаждения вдруг сменяется мрачным, тяжелым сомнением, и тирская багряница эпикурейца робко прячется под власяницу сурового аскетика. Отсюда происходит, что поэзия Батюшкова лишена общего характера, и если можно указать на ее пафос, то нельзя не согласиться, что этот пафос лишен всякой уверенности в самом себе и часто походит на контрабанду, с опасением и боязнью провозимую через таможенную пиэтизма и морали. Батюшков был учителем Пушкина в поэзии, он имел на него такое сильное влияние, он передал ему почти готовый стих, – а между тем, что представляют нам творения самого этого Батюшкова? Кто теперь читает их, кто восхищается ими? В них все принадлежит своему времени и почти ничего нет для нашего. Артист, художник по призванию, по натуре и по таланту, Батюшков неудовлетворителен для нас и с эстетической точки зрения. Откуда же эти противоречия? Где причина их? – Не трудно дать ответ на этот вопрос.

Творения Жуковского – это целый период нашей литературы, целый период нравственного развития нашего общества. Их можно находить односторонними, но в этой-то односторонности и заключается необходимость, оправдание и достоинство их. С произведениями музыки Жуковского связано нравственное развитие каждого из нас в известную эпоху нашей жизни, и потому мы любим эти произведения, даже и будучи отделены от них неизмеримым пространством новых потребностей и стремлений: так возмужалый человек любит волнения и надежды своей юности, над которыми сам же уже смеется. Жуковский весь отдался своему направлению, своему призванию. Он – романтик во всем, что есть лучшего в его поэзии, и не-романтик только в неудачных своих опытах, число которых, впрочем, уступает числу лучших, то есть романтических его произведений. Батюшков написал по нескольку пьес на несколько мотивов – и вот все. Мы в этой статье выписали почти все лучшее из произведений Батюшкова: так немного у него лучшего! Направление и дух поэзии его гораздо определеннее и действительнее направления и духа поэзии Жуковского; а между тем, кто из русских не знает Жуковского, и многие ли из них знают

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Батюшкова не по одному только имени?

Главная причина всех этих противоречий заключается, разумеется, в самом таланте Батюшкова. Это был талант замечательный, но более яркий, чем глубокий, более гибкий, чем самостоятельный, более грациозный, чем энергический. Батюшкову немногого не доставало, чтоб он мог переступить за черту, разделяющую большой талант от гениальности. И вот почему он всегда находился под влиянием своего времени. А его время было странное время – время, в которое новое являлось, не сменяя старого, и старое и новое дружно жили друг подле друга, не мешая одно другому. Старое не сердилось на новое, потому что новое низко кланялось старому и на веру, по преданию, благоговело перед его богами. Посмотрите, как бессознательно восхищался Батюшков представителями русского Парнаса:

Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставля тайны сени
Стигийских берегов,
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын (?),
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона,
И наслажденья храм;
То древню Русь и нравы
Владимира времен
И в колыбели славы
Рождение Славян.
За ними сильф прекрасный.
Воспитанник Харит,
На цитре сладкогласной
О душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Хемницер и Крылов.

Наставники-пииты,
О фебовы жрецы!
Вам, вам плетут Хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиэрид
И в радости взываю:
О музы! я пиит!{13}

Что́ такое эти стихи, если не крик безотчетного восторга? Для Батюшкова все писатели, которыми привык он восхищаться с детства, равно велики и бессмертны. Державин у него – наш Пиндар, наш Гораций, как будто бы для него мало чести быть только нашим Пиндаром или только нашим Горацием. Если Батюшков тут же не назвал Державина еще и нашим Анакреоном, – это, вероятно, потому, что Анакреон, как длинное имя, не пришлось в меру стиха. Батюшков с Горацием был знаком не по слуху и не видел, что между Горацием – поэтом умиравшего, развратного языческого общества, и между Державиным, поэтом, для которого еще не было никакого общества, нет решительно ничего общего. Если Батюшков и не знал по-гречески, – он мог иметь понятие о Пиндаре по латинским и немецким переводам; но это, видно, не помогло ему понять, что еще менее какого бы то ни было сходства между Державиным и Пиндаром, – Пиндаром, которого – вдохновенная, возвышенная поэзия была голосом целого народа – и какого еще народа!.. Если Батюшков не упомянул в этих стихах о Хераскове и Сумарокове, это, вероятно, потому, что первому из них были уже нанесены страшные удары Мерзляковым и Строевым (П. М.), а второй мало-помалу как-то сам истерся в общественном мнении. Впрочем, это не мешает Батюшкову титуловать Хераскова громким именем «певца Россиады» и приписывать ему какую-то «славу писателя»[2]. Рассуждая о так называемой «легкой поэзии», Батюшков так рассказывает ее историю на Руси:

«Так называемый эротической и вообще легкой род поэзии восприял у нас начало со времен Ломоносова и Сумарокова. Опыты их предшественников были маловажны: язык и общество еще не были образованы. Мы не будем исчислять всех видов, разделений и изменений легкой поэзии, которая менее или более принадлежит к важным родам; но заметим, что на поприще изящных искусств, подобно как и в нравственном мире, нечто прекрасное и доброе не теряется, приносит со временем пользу и действует непосредственно на весь состав языка. Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, озаменованный истинным и великим (!) талантом; остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых поэзия в первый раз украсила разговор лучшего общества; послания и другие произведения сего стихотворца, в которых философия (?) оживилась неувыдаемыми{14} цветами выражения; басни его, в которых он боролся с Лафонтеном и часто побеждал его; басни Хемницера и оригинальные басни Крылова, которых остроумные, счастливые стихи сделались пословицами, ибо в них виден и тонкий ум наблюдателя света, и редкий талант; стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей; горацянские оды Капниста; вдохновенные страстию песни Нелединского; прекрасные подражания древним Мерзлякова; баллады Жуковского, сияющие воображением, часто своенравным (?), но всегда пламенным, всегда сильным; стихотворения Востокова, в которых видно отличное дарование поэта, налитанного чтением древних и германских писателей; наконец, стихотворения Муравьева, где изображается, как в зеркале, прекрасная душа его; послания кн. Долгорукова, исполненные живости; некоторые послания Воейкова, Пушкина и других новейших стихотворцев, писанные слогом чистым и всегда благородным: все сии блестящие произведения дарования и остроумия менее или более приближались к желанному совершенству, и все – нет сомнения – принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили».

Так! скажем мы от себя, в этом нет сомнения: сочинения всех этих поэтов принесли свою пользу в деле образования стихотворного языка; но нет и в том сомнения, что между их стихом и стихом Жуковского и Батюшкова легло целое море расстояния и что «Душенька» Богдановича, сказки Дмитриева, горацянские оды Капниста, подражания древним Мерзлякова, стихотворения Востокова, Муравьева, Долгорукова, Воейкова и Пушкина (Василия) только до появления Жуковского и Батюшкова могли считаться образцами легкой поэзии и образцами стихотворного языка. Батюшков ни одним словом не дает чувствовать, что прославляемые им сочинения любимых им писателей принадлежат известному времени и носят на себе, как необходимый отпечаток, его недостатки. И потом, что за взгляд на относительную важность каждого из них; Дмитриев у него выше Крылова, народного русского баснописца, которого многие стихи обратились в пословицы, как и многие стихи из «Горя от ума», тогда как басни Дмитриева, несмотря на их неотъемлемое достоинство, теперь

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru совершенно забыты. И не мудрено – в них Дмитриев является не более как счастливым подражателем и переводчиком Лафонтена; но он чужд всякой оригинальности самобытности и народности. Стихотворения Карамзина, которые гораздо ниже стихотворений Дмитриева и которые, после стихотворений Жуковского, тотчас же сделались невозможными для чтения, Батюшков находит исполненными чувства и образцами ясности и стройности мыслей. Кто теперь знает стихотворения Муравьева? – Батюшков в восторге от них. Ломоносов для него был одним из величайших поэтов мира. Опыты в легкой поэзии предшественников Ломоносова и Сумарокова были маловажны, по словам Батюшкова? стало быть, опыты Ломоносова и Сумарокова были уже не маловажны. Но что же легкого написал Ломоносов и что же порядочного сочинил Сумароков?.. И так смотрел на русскую литературу человек, знакомый с французскою, немецкою, итальянскою, английскою (?) и латинскою литературами, в подлиннике читавший Руссо, Шенье, Шиллера, Петрарку, Тасса, Ариоста, Байрона (?), Тибулла и Овидия!.. Но всего поразительнее в этом отношении «Письмо» Батюшкова «к И. М. М. А. о сочинениях г. Муравьева». Дело идет о сочинениях Михаила Никитича Муравьева, бывшего товарища министра народного просвещения, попечителя Московского университета; он родился в 1757 году, а умер в 1807 году и оставил после себя память благородного человека и страстного любителя словесности. Как писатель, М.Н. Муравьев принадлежал к ломоносовской школе. Слог и язык его не карамзинский, хотя и казался для своего времени образцовым. В сочинениях его, действительно, видно много любви к просвещению; душа добрая и честная, характер благородный; но особенного литературного или эстетического достоинства они не имеют. Когда вышли в свет сочинения Муравьева, изданные после смерти его в 1810 году, под титулом: «Опыты истории, словесности и нравоучения», – Батюшков написал письмо, о котором мы упомянули выше. В этом письме он горько упрекает тогдашних журналистов за их молчание о такой превосходной книге, каковы сочинения Муравьева. В числе этих сочинений, состоящих из отдельных статей, есть несколько так называемых «разговоров в царстве мертвых», в которых автор пренаивно сводит Ромула с Кием, Карла Великого с Владимиром, Горация с Кантемиром и заставляет их спорить, а к концу спора соглашаться, что Россия не уступает в силе и просвещении ни одному народу в мире... Батюшков в восторге от этих мертвых разговоров: он отдает им преимущество даже перед разговорами Фонтенеля. «Французский писатель (говорит он) гонялся единственно за остроумием: действующие лица в его разговорах разрешают какую-нибудь истину блестящими словами; они, кажется нам, любят сами тем, что сказали. Под пером Фонтенеля нередко древние герои преображаются в придворных лудовикова времени и напоминают нам живо учтивых пастухов того же автора, которым недостает парика, манжет и красных каблучков, чтоб шаркать в королевской передней, как замечает Вольтер – не помню, в котором месте. Здесь совершенно тому противное: всякое лицо говорит приличным ему языком, и автор знакомит нас, как будто невольно, с Руриком, с Карлом Великим, с Кантемиром, с Горацием и проч.». Но, увы! – именно этого-то и нет в разговорах Муравьева. Исторические собеседники Фонтенеля похожи, по крайней мере, хоть на придворных Людовика XIV, а герои Муравьева решительно ни на кого не похожи, даже просто на людей. Вообще, Батюшков прославляет Муравьева как-то риторически: иначе чем объяснить эту схоластическую фразу: «он любил отечество и славу его, как Цицерон любил Рим» (стр. 97)? Есть еще у Муравьева ряд статей нравственного содержания, названных у него общим именем «Обитатель предместия». Язык этих статей довольно чист и ближе подходит к карамзинскому, чем к ломоносовскому; содержание много говорит в пользу автора, как человека с самыми добрыми расположениями души и сердца; но и все тут: ни идей, ни воззрений, ни картин, ни слога. Батюшков говорит: «Сии разговоры (мертвых) и «Письма обитателя предместия» могут заменить в руках наставников лучшие произведения иностранных писателей» (стр. 102). Вот как!.. Вообще, давно уже замечено, что у нас на святой Руси не умеют в меру ни похвалить, ни похулить: если превозносить начнут, так уже выше леса стоячего, а если бранить, так уж прямо втопчут в грязь... «Другие отрывки (продолжает Батюшков) принадлежат к вышнему роду словесности. Между ими повесть «Оскольд», в которой автор изображает поход северных народов на Царьград, блистает красотами» (стр. 106). Какими же? – красотами самой натянутой и надутой риторики. К числу таких повестей-поэм принадлежит «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии» Хераскова, «Марфа Посадница» Карамзина. Сам Батюшков написал пренелепую вещь в таком же духе: она называется «Предслав и Добрыня, старинная повесть». В заключение статьи своей о сочинениях Муравьева Батюшков выписывает эти стихи разбираемого им автора:

Ты (муза) утро дней моих прилежно посещала:
Почто ж печальная распространилась мгла,
И ясный полдень мой покрыла черной тенью!

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Иль лавров по следам твоим не соберу,
И в песнях не пройду к другому поколенью
Или я весь умру?

«Нет (воскликает Батюшков), мы надеемся, что сердце человеческое бессмертно. Все пламенные отпечатки его, в счастливых стихах поэта, побеждают самое время. Музы сохраняют в своей памяти песни своего любимца, и имя его перейдет к другому поколению с именами, с священными именами мужей добродетельных» (стр. 122). увы! предсказание критика не сбылось: восхваляемый им автор был уже забыт еще в то время, как он сулил ему бессмертие... Что это означает: односторонность ума, недостаток вкуса? – Нисколько! Не много людей, столь богатых счастливыми дарами духовной природы, как Батюшков. Он был сын своего времени – вот где причина его недостатков. Средствами своей природы он был уже далее своего времени; но мыслию, сознанием он шел за ним, а не впереди его. Он знал много языков и много читал на них, но смотрел на вещи глазами «Вестника Европы» блаженной памяти и даже современной истории учился по газетным реляциям, а потому Наполеон, в глазах его, был не более, как новый Атилла, Омар, всесветный зажигатель и разбойник... (стр. 99). Еще страннее его взгляд на Руссо; этот взгляд до наивности близорук и подслеповат (стр. 3, 17). Батюшков видел в Руссо только мечтателя и софиста. Странное дело! Наши русские поэты, даже не обделенные образованием, знакомые с Европой через ее языки, почти всегда отличались какой-то ограниченностью взгляда и понятий, при замечательном, а иногда и великом таланте... Это мы еще будем иметь случай заметить.

Но едва ли не жесточе всех постигла эта участь Батюшкова. Он весь заключен во мнениях и понятия своего времени, а его время было переходом от карамзинского классицизма к пушкинскому романтизму (Пушкина ведь считали первым русским романтиком!). Батюшков с уважением говорит даже о меценатстве и замечает в одном месте (стр. 47), что один вельможа удостаивает муз своим покровительством, вместо того чтоб сказать, что он удостаивается чести быть полезным музам.

Как на самую резкую, на самую характеристическую черту эстетического и критического образования Батюшкова, укажем на статью его «Ариост и Тасс». Это нечто вроде критических статей наших старинных аристархов о «Россиаде» Хераскова. Как хорошо это место! какой чудесный этот стих! какое живое описание представляет собою эта глава – вот характер критики Батюшкова. Об идеях, о целом, о веке, в котором написана поэма, о ее недостатках – ни слова, как будто бы ничего этого в ней и не бывало! Больше всего восхищается Батюшков описанием одной битвы, которое, судя по его же прозаическому переводу, довольно надуту. Эта картина напоминает ему стихи Ломоносова:

Различным образом повержены тела:

Иный с размаха меч занес на сопостата,
Но прежде прободен, удара не скончал.
Иный, забыв врага, прельщался блеском злата:
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иный, от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем;
Иный, пронзен, угас, противника сражая;
Иный врага поверг и умер сам на нем.

Кроме того, что Батюшков эти дебелые и безобразные стихи находит прекрасными, он еще видит в расстановке слов: стонет, угас и умер какую-то особенную силу. «Заметим мимоходом для стихотворцев (говорит он), какую силу получают самые обыкновенные слова, когда они постановлены на своем месте» (стр. 225–226).

Таковы были литературные и эстетические понятия и убеждения Батюшкова. Они достаточно объясняют, почему так нерешительно было направление его поэзии и почему написанное им так далеко ниже его чудесного таланта. Превосходный талант этот был задушен временем. При этом не должно забывать, «что Батюшков слишком рано умер для литературы и поэзии. Кажется, его литературная деятельность совершенно прекратилась 1819-м годом, когда он был в самой цветущей поре умственных сил – ему тогда было только 32 года от роду (он родился в 1787 году). Мы не знаем даже, прочел ли Батюшков хотя одно стихотворение Пушкина. «Руслан и Людмила» появилась в 1820 году. {15} Так, Пушкин, в свою очередь, не прочел ни одного стихотворения Лермонтова... И, может быть, для Батюшкова настала бы новая пора лучшей и высшей деятельности, если б враждебная русским музам судьба не отняла его так рано от их служения. Появление Пушкина имело сильное влияние на Жуковского; может быть, еще сильнее влияние имело бы оно на Батюшкова. Выход

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru в свет «Руслана и Людмилы» и возбужденные этою поэмою толки и споры о классицизме и романтизме были эпохою обновления русской литературы, ее окончательного освобождения из-под влияния Ломоносова и началом эманципации из-под влияния Карамзина... Несмотря на всю свою поверхностность, эта эпоха развязала крылья гению русской литературы и поэзии. И, вероятно, талант Батюшкова в эту эпоху явился бы во всей своей силе, во всем своем блеске.

Но не так угодно было судьбе. И потому нам лучше говорить о том, что было, нежели о том, что бы могло быть. Написанное Батюшковым, как мы уже сказали, – далеко ниже обнаруженного им таланта, далеко не выполняет возбужденных им же самим ожиданий и требований. Неопределенность, нерешительность, неоконченность и невыдержанность борются в его поэзии с определенностью, решительностью, оконченностью и выдержанностью. Прочтите его превосходную элегию «На развалинах замка в Швеции»: как все в ней выдержано, полно, окончено! Какой роскошный и вместе с тем упругий, крепкий стих!

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседель,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый,
Он юноше вручил израненной рукой
И громко восклицал, подняв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!
А ты, мой сын, клянись мечом твоих отцов{16}
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал,
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь, при звуке новой брани,
Кипел и трепетал!
Война, война врагам отеческой земли!
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром.
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валгаллу провождает
Погибших бледный сонм.
Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
Герой, победою избранной.
Уж скальды пиршества готовят на холмах,{17}
Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.
Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет.
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О вей, попутный ветер, вей тихими устами
В ветрила кораблей!
Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою младой[3]
И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах.
Не такова другая элегия Батюшкова – «Тень друга»; начало ее превосходно:

я берег покидал туманный Альбиона;
Казалось, он в волнах свинцовых утопал,

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

За кораблем виляла гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе зыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов:
Все сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила севера любезного искал.

Повторим уже сказанное нами раз: после таких стихов нашей поэзии надобно было или остановиться на одном месте, или, развиваясь далее, выражаться в пушкинских стихах: так естествен переход от стиха Батюшкова к стиху Пушкина. Но окончание элегии «Тень друга» не соответствует началу: от стиха –

И вдруг... то был ли сон? предстал товарищ мне, –
начинается громкая декламация, где незаметно ни одного истинного, свежего чувства и ничто не потрясает сердца внезапно охлажденного и постепенно утомляемого читателя, особенно если он читает эту элегию вслух.

Этим же недостатком невыдержанности отличается и знаменитая его элегия «Умиравший Тасс». Начало ее от стиха: «Какое торжество готовит древний Рим?» до стиха: «Тебе сей дар... певец Ерусалима!» превосходно; следующие затем двенадцать стихов тоже прекрасны; но от стиха: «Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Рим» начинается риторика и декламация, хотя местами и с проблесками глубокого чувства и истинной поэзии. Чудесны эти стихи:

И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный[4] костями граждан вселенной:
Вас, вас приветствует из сих унылых мест{18}
Безвременной кончине обреченный!
Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли!
Но что такое, если не пустое разглагольствие, не надутая риторика и не трескучая декламация, – вот эти стихи:

Увы! с тех пор, добыча злой судьбины.
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веши в весь, из стран (?) в страну гонимый,
Я тщетно на земле пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду молнии карающей (?) певца!
Такая же риторическая шумиха и от стиха: «Друзья, но что мою стесняет страшно грудь?» до стиха: «Рукою муз «славы соплетенный». Следующие затем шестнадцать стихов очень недурны, а от стиха: «Смотрите! он сказал рыдающим друзьям» до стиха: «Средь ангелов Елеонора встретит» опять звучная и пустая декламация. Заключение превосходно, подобно началу:

И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали.
День тихо догорал... и колокола глас
Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш! – воскликнул с плачем Рим, –
Погиб певец, достойный лучшей доли!..»
Наутро факелов узрели мрачный дым,
И трауром покрылся Капитолий.{19}
В отношении к выдержанности, какая разница между «Умиравшим Тассом» Батюшкова и «Андреем Шенье» Пушкина, хотя обе эти элегии в одном роде!

После Жуковского Батюшков первый заговорил о разочаровании, о несбывшихся надеждах, о печальном опыте, о потухающем пламеннике своего таланта...

Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И муза пламенник небесный потушила;

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз;
Туда влечет меня осиротелый гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени.
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как лотос, силою волшебной врачевали.
Нет, нет! себя не узнаю

Под новым бременем печали. {20}

Что Жуковский сделал для содержания русской поэзии, то Батюшков сделал для ее формы: первый вдохнул в нее душу живу, второй дал ей красоту идеальной формы; Жуковский сделал несравненно больше для своей сферы, чем Батюшков для своей, – это правда; но не должно забывать, что Жуковский, раньше Батюшкова начав действовать, и теперь еще не сошел с поприща поэтической деятельности; а Батюшков умолк навсегда с 1819 года тридцати двух лет от роду... Заслуги Жуковского и теперь перед глазами всех и каждого; имя его громко и славно и для новейших поколений; о Батюшкове большинство знает теперь понаслышке и по воспоминанию; но если немногие прекрасные стихотворения его уже не читаются и не перечитываются теперь, то имени учителя Пушкина в поэзии достаточно для его славы; а если в двух томах его сочинений еще нет его бессмертия, – оно тем не менее сияет в истории русской поэзии...

Замечательнейшими стихотворениями Батюшкова считаем мы следующие: Умиравший Тасс, На развалинах замка в Швеции, три Элегии из Тибулла, Воспоминания (отрывок), Выздоровление, Мой гений, Тень друга, Веселый час, Пробуждение, Таврида, Последняя весна, К. Г-чу, Источник, Есть наслаждение и в дикости лесов, О, пока бесценна младость, Гезиод и Омир – соперники, К другу, Мечта, Беседка муз, Карамзину, Мои пенаты, Ответ Г-чу, К П-ну, Послание И. М. М. А., К Н. Н., Пест Гаральда Смелого, Вакханка, Ложный страх, Радость (подражание Касты), К. Н., Подражание Ариосту, Из Антологии – двенадцать пьес из греческой антологии.

Мы означили здесь все пьесы, почему-либо и сколько-нибудь замечательные и характеризующие поэзию. Батюшкова, но не упомянули о двух, которые в свое время производили, как говорится, фурор, – это «Пленный» (в местах, где Рона протекает) и «Разлука» (Гусар, на саблю опираясь). Обе они теперь как-то странно опошлись, особенно последняя – без улыбки нельзя читать их. И между тем обе они написаны хорошими стихами, как бы для того, чтобы служить доказательством, что не может быть прекрасна форма, которой содержание пошло, не могут долго нравиться стихи, которых чувства ложны и приторны. Прекрасными стихами также написана моральная пьеса «Счастливец» (подражание Касты); но мораль сгубила в ней поэзию. Сверх того, в ней есть куплет, который рассмешил даже современников этой пьесы, столь снисходительных в деле поэзии:

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид;
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!

Как прозаик, Батюшков занимает в русской литературе одно место с Жуковским. Это превосходнейший стилист. Лучшие его прозаические статьи, по нашему мнению, следующие: О характере Ломоносова, Вечер у Кантемира, Нечто о поэте и поэзии, Прогулка в Академию художеств, Путешествие в замок Сирей. Так же очень интересны все его статьи, названные во втором издании общим именем Писем и отрывков: они знакомят с личностью Батюшкова как человека. Статья «Две аллегии» характеризует время, в которое она написана: автор начинает ее признанием, что все аллегии вообще холодны, но что его аллегии говорят рассудку, а потому и хороши. Он забыл, что все аллегии потому-то и нелепы и холодны, что говорят одному рассудку, претендуя говорить сердцу и фантазии... «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» показывает, что фантазия Батюшкова была поражена двумя крайностями – югом и севером, светлую, роскошную Италией и мрачную, однообразную Скандинавию. Эта статья написана как будто бы в соответствии с элегией «На развалинах замка в Швеции». Язык и слог этой статьи слыли за образцовые, и вообще она считалась лучшим произведением Батюшкова в прозе. А между тем она есть не что иное, как перевод из Harmonies de la Nature[5] Ласепада; отрывок, переведенный Батюшковым, можно найти в любой французской хрестоматии под названием: Les forêts et les habitants des régions glaciales[6].

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Сказанное Ласепедом о Северной Америке Батюшков храбро приложил к Финляндии – и дело с концом! Удивляться этому нечего: в те блаженные времена подобные заимствования считались завоеваниями; их не стыдились, но ими хвалились... В статьях своих: «Прогулка в Академию художеств» и «Две аллегии» Батюшков является страстным любителем искусства, человеком, одаренным истинно артистической душой.

Имя Батюшкова невольно напоминает нам другое любезное русским музам имя, имя друга его – Гнедича, талант и заслуги которого столько же важны и знамениты, сколько – увы! и не оценены доселе. Не беремся за труд, может быть, превосходящий наши силы, но посвятим несколько слов памяти человека даровитого и незабвенного. С именем Гнедича соединяется мысль об одном из тех великих подвигов, которые составляют вечное приобретение и вечную славу литератур. Перевод «Илиады» Гомера на русский язык есть заслуга, для которой нет достойной награды. Знаем, что наши похвалы покажутся многим преувеличенными: но «многие» много ли понимают и умеют ли вникать, углубляться и изучать? Невежество и легкомыслие поспешны на приговоры, и для них все то мало и ничтожно, чего не разумеют они. А чтоб быть в состоянии оценить подвиг Гнедича, потребно много и много разумения. Чтоб быть в состоянии оценить перевод «Илиады», прежде всего надо быть в состоянии понять «Илиаду» как художественное произведение, а это не так-то легко. Теперь уже и Шекспир требует комментариев, как поэт чуждой нам эпохи и чуждых нам нравов, – тем более Гомер, отделенный от нас тремя тысячами лет. Мир древности, мир греческий недоступен нам непосредственно, без изучения. «Илиада» есть картина не только греческой, но и религиозной Греции, а у нас, на русском языке, нет не только порядочной, но и сколько-нибудь сносной, греческой мифологии, без которой чтение «Илиады» непонятно. Сверх того, некоторые ученые люди, знающие много фактов, но чуждые идеи и лишенные эстетического чувства, за какое-то удовольствие считают распространять нелепые понятия о поэмах божественного Омира, переводя их с подлинника слогом русской сказки об Емеле-Дурачке. С подлинника – говорят они гордо! Действительно, для разумения «Илиады» знание греческого языка – великое дело; но оно не даст человеку ни ума, ни эстетического чувства, если в них отказала ему природа. Тредьяковский знал много языков, но оттого не был ни умнее, ни разборчивее в деле изящного; а Шекспир, не зная «по-гречески, написал поэму «Венера и Адонис». Такого рода ученые, уверяющие, что греки раскрашивали статуи богов (что действительно делали древние – только не греки, а жители Помпеи, незадолго перед Р. Х., когда вкус к изящному был во всеобщем упадке), – такого рода ученые, знающие по-гречески и по-латыни, напоминают собою переведенную с немецкого Жуковским сказку: «Кабуд-Путешественник» («Переводы в прозе В. Жуковского», ч. III, стр. 92). Вот эти и подобные им господа изволят уверять, что Гнедич перевел «Илиаду» напыщенно, надуту, изысканно, тяжелым языком, смесью русского с славянщиной. А другие и рады таким суждениям: не смея напасть на тысячелетнее имя Гомера, они восторгались. «Илиадою» вслух, зевая от нее про себя. – и вот им безут возможность свалить свое невежество, свою ограниченность и свое безвкушие на дурной будто бы перевод. Нет, что ни говори эти господа, а русские владеют едва ли не лучшим в мире переводом «Илиады». Этот перевод, рано или поздно, сделается книгой классической и настольной и станет краеугольным! камнем эстетического воспитания. Не понимая древнего искусства, нельзя глубоко и вполне понимать вообще искусство. Перевод Гнедича имеет свои недостатки: стих его не всегда легок, не всегда исполнен гармонии, выражение не всегда кратко и сильно; но все эти недостатки вполне выкупаются веянием живого эллинского духа, разлитого в гекзаметрах Гнедича. Следующее двустишие Пушкина на перевод «Илиады» – не пустой комплимент, но глубоко поэтическая и глубоко истинная передача производимого этим переводом впечатления:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Глубоко артистическая натура Пушкина умела сочувствовать древнему миру и понимать его: это доказывается многими его произведениями на древний лад. – стало быть, авторитет Пушкина в деле суда над переводом Гнедича не может не иметь веса и значения, – и Пушкин высоко ценит перевод Гнедича. Вот еще стихотворение Пушкина, свидетельствующее о его уважении к труду и имени переводчика «Илиады»:

С Гомером долго ты беседовал один;
Тебя мы долго ожидали;
И светел ты сошел с таинственных вершин,
И вынес нам свои скрижали.

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял нас, бессмысленных детей,
Разбил листы своей скрижали.
Нет! ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой;
Ты любишь гром небес и также внемлешь ты
Журчанью пчел над розой алой.
Нет, не настало еще время для славы Гнедича; оценка подвига его еще впереди: ее
приведет распространяющееся просвещение, плод основательного учения...

Гнедич как бы считал себя призванным на перевод Гомера; мы уверены, что только время не позволило ему перевести и «Одиссею». Гомер был его любимейшим певцом, и Гнедич силился создать апофеозу своему герою в поэме «Рождение Гомера». Поэма эта написана в древнем духе, очень хорошими стихами, но длинна и растянута; совсем некстати приплетены к ней судьбы Гомера в новом мире. Перевод идиллии Феокрита «Сиракузянки или праздник Адониса», с присовокупленным к нему в виде предисловия рассуждением об идиллии, есть двойная заслуга Гнедича: перевод превосходен, а рассуждение глубокомысленно и истинно. Но кто оценит этот подвиг, кто поймет глубокий смысл и художественное достоинство идиллии Феокрита, не имея понятия о значении, какое имел для древних Адонис, и о праздниках в честь его?.. «Рыбаки», оригинальная идиллия Гнедича, есть мастерское произведение; но оно лишено истины в основании: из-под рубища петербургских рыбаков виднеются складки греческого хитона, и русскими словами, русскою речью прикрыты понятия и созерцания чисто древние.. При всем этом в «Рыбаках» Гнедича столько поэзии, жизни, прелести, такая роскошь красок, такая наивность выражения! Замечательно, что эта идиллия написана в 1821 году, а в 1820 году были уже изданы идиллии Г. Панаева! Не знаем, в котором году переведена Гнедичем идиллия Феокрита и написано предисловие к ней; если в одно время с появлением идиллий Г. Панаева, то поневоле удивишься противоречиям, из которых состоит русская литература.. Посмотрите – что за стих!

Уже над Невою сияет беззнойное солнце;
Уже вечереет, а рыбаля нет молодого.
Вот солнце зашло, загорелся безоблачный запад;
С пылающим небом слиясь, загорелось море,
И пурпур и золото залили рощи и доли.
Шпиц тверди петровой, возвышенный, вспыхнул над градом,
Как огненный столп, на лазури небесной играя.
Угас он; но пурпур на западном небе не гаснет;
Вот вечер, но сумрак за ним не слетает на землю;
Вот ночь, а светла синевою одетая дальность:
Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро. – Была та година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Сиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы.
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва оттеняются русыми локонов волнами,
Тогда над Невою и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени.
Как будто бы новое видят беззвездное небо,
На коем покоится незаходимый свет солнца;
Тогда Филомела полночные песни лишь кончит,
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть; на невские тундры
Роса опустилась, а рыбаля нет молодого.
Вот полночь; шумевшая вечером тысячью весел
Нева не колыхлет; светла и спокойна как небо.
Разъехались все городские веселые гости.

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, все тихо;
Лишь изредка гул от мостов над водой раздаётся.
Да изредка гул из деревни, протяжный, промчится,
Где в ночь окликается ратная стража со стражей.
Кроме «Рыбаков», у Гнедича мало оригинальных произведений; некоторые из них не без достоинств; но нет превосходных, и все они доказывают, что он владел несравненно большими силами быть переводчиком, чем оригинальным поэтом.
Замечательно, что стих Гнедича часто бывал хорош не по времени. Следующее стихотворение «К К.Н. Батюшкову», написанное в 1807 году, вдвойне интересно: и как образец стиха Гнедича, и как факт его отношений к Батюшкову:

Когда придешь в мою ты хату,
Где бедность в простоте живет?
Когда поклонись пенату,
Который дни мои блюдет?
Приди, разделим снедь убогу,
Сердца вином воспламеним
И вместе – песнопенья богу
Часы досуга посвятим.
А вечер, скучный долготою,
В веселых сократим мечтах;
Над всей подлунной стороною
Мечты промчимся на крылах.
Туда, туда, в тот край счастливый,
В те земли солнца полетим,
Где Рима прах красноречивый
Иль град святой Ерусалим.
Узрим средь дикой Палестины
За божий гроб святую рать,
Где, цвет Европы, паладины
Летели в битвах умирать.
Певец их, Тасс, тебе любезный,
С кем твой давно сроднился дух,
Сладкоречивый, гордый, нежный,
Наш очарует взор и слух.
Иль мой певец – царь песнопений,
Неумирающий Омир,
Среди бесчисленных видений
Откроет нам весь древний мир;
О, песнь волшебная Омира
Нас вмиг перенесет, певцов,
В край героического мира
И поэтических богов:
Зевеса, мещущего грома,
И всех бессмертных вокруг отца,
Пиры их светлые и дома
Увидим в песнях мы слепца.
Иль посетим Морвен фингалов,
Ту Сельму, дом его отцов,
Где на пирах сто арф звучало
И пламенело сто дубов;
Но где давно лишь ветер ночи
С пустынной шепчется травой,
И только звезд бессмертных очи
Там светят с бледною луной.
Там Оссиан теперь мечтает
О битвах, о делах былых;
И лирой – тени вызывает
Могучих праотцев своих.
И вот Тренмор, отец героев,
Чертог воздушный растворив,
Летит на тучах, с сонмом воев,
К певцу и взор, и слух склонив.
За ним тень легкая Мальвины,
С златою арфою в руках,
Обнявшись с тению Моины,
Плывут на легких облаках.
Но вдруг, возможно ли словами

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Пересказать или описать,
О чем случается с друзьями
Под час веселый помечтать?
Счастлив, счастлив еще несчастный,
С которым хоть мечта живет;
В днях сумрачных день сердцу ясный
Он хоть в мечтаниях найдет.
Жизнь наша есть мечтанье тени;
Нет сущих благ в земных странах.
Приди ж под кровом дружней сени
Повеселиться хоть в мечтах.

В то время такие стихи были довольно редки, хотя Жуковский и Батюшков писали несравненно лучшими. «На гробе матери» (1805), «Скоротечность юности» (1806), «Дружба» замечательны, как и приведенная выше пьеса Гнедича. Знаменито в свое время было стихотворение его «Перуанец к испанцу» (1805): теперь, когда от поэзии требуется прежде всего верности действительности и естественности, теперь оно отзывается риторикою и декламациею на манер бледной Мельпомены XVIII века; но некоторые стихи в нем замечательны энергиею чувства и выражения, несмотря на прозаичность. {21}

Гнедич перевел из Байрона (1824) еврейскую мелодию, переведенную впоследствии Лермонтовым («Душа моя мрачна, как мой венец»); перевод Гнедича слаб: видно, что он не понял подлинника. Гнедич принадлежит по своему образованию к старому, допушкинскому поколению наших писателей. Оттого все оригинальные пьесы его длинны и растянуты, а многие прозаичны до последней степени, как, например, «К И.А. Крылову» (стр. 215). Оттого же он перевел прозою дюсисовского «Леара» или переделал шекспировского «Лира» – не помним хорошенько; оттого же он перевел стихами вольтеровского «Танкреда». Но перевод его «Простонародных песен нынешних греков», изданный в 1825 году, есть еще прекрасная заслуга русской литературе.

Жаль, что нет полного издания сочинений Гнедича. Сделанное им самим в 1834 году очень неполное: в нем нет «Леара», нет «Илиады», нет введения к простонародным песням нынешних греков и сравнения их с русскими песнями, нет статьи его о древнем стихосложении, напечатанной в «Вестнике Европы», нет переведенных шестистопным ямбом 7, 8, 9, 10 и 11-й песен «Илиады», нет «Рассуждения о причинах, замедляющих просвещение в России». Такой писатель, как Гнедич, стоил бы издания полного собрания литературных трудов его.

К знаменитейшим деятелям литературы карамзинского периода принадлежит Мерзляков. Он известен как поэт (оды), как переводчик (переводы из древних, стихами), как песенник (русские песни) и как теоретик словесности и критик. Оды его – образец надутости, прозаичности выражения, длинноты и скуки. Переводы его из древних заслуживают внимания. Мерзляков не перевел ничего большого вполне, но из больших произведений только отрывки, как то: из «Илиады», «Одиссеи», из трагиков – Эсхила, Софокла и Эврипида. Все эти опыты, конечно, не бесполезны; но они не дают понятия о своих оригиналах. Мерзляков не владел стихом: язык его жесток и прозаичен. Сверх того, на древних он смотрел сквозь очки французских критиков и теоретиков, от Буало до Лагарпа, и потому видел их не в настоящем их свете, хотя и читал их в подлиннике. К первой части изданных им в 1825 году в двух частях «Подражаний и переводов из греческих и латинских стихотворцев» приложено рассуждение. «О начале и духе древней трагедии и о характерах трех греческих трагиков: {22} из этого рассуждения очень ясно видно, как мало понимал Мерзляков начало и дух древней трагедии и характер трех греческих трагиков...

О, жертвы общего отчизны злоключенья,
В дни славы верные и верны в дни плененья,
Подруги юные, не отрекитесь вы
Еще подпорой быть сей рабственной главы,
Которая досель гордилася венцами:
Царицы боле нет; невольница пред вами! –
Но я, как прежде, вам и ныне мать и друг!..
И бедствия мои, и старости недуг
Единый жребий наш: вот право для злосчастных
На помощь и любовь душ, злобе непричастных!
Прострите руки мне, приподнимите... Ах!
Нет сил, болезнь и хлад во всех моих костях! –
Вещайте, что совет вождей определяет:
Куда нас грозный суд {23} судьбины посылает?

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Куда еще влечит срам, скорбь свою и плен?
Иль остров сей для нас могилой обречен?
Кто бы – думали вы – говорит такими дебелыми, жесткими и бестолковыми стихами? – Гекуба, в трагедии Эврипида!.. Хороший же был поэт этот Эврипид, если он по-гречески так же выражался, как заставляет его выражаться по-русски переводчик!.. Впрочем, некоторые переводы из древних Мерзлякова не без достоинства. Он перевел вполне «Освобожденный Иерусалим» Тасса и перевел его привилегированным в старину размером для эпических поэм – шестистопным ямбом. Перевод этот тяжел и дубоват, без всяких достоинств. Причина этому опять двоякая: Мерзляков не владел стихом и на эпические поэмы смотрел с херасковской точки зрения, как на что-то натянуто-высокое, надутно-великолепное и дубовато-тяжелое. Насмешники уверяют, будто в его переводе «Освобожденного Иерусалима» есть стих:

Вскипел Бульон, течет во храм...{24}

Не ручаемся за достоверность такого указания: мы не имели силы одолеть чтением весь перевод...

В русских песнях Мерзлякова больше чувствительности, чем чувства. Лучшие из них написаны им уже после двадцатых годов текущего столетия. Вообще, они не без достоинств и выше песен Дельвига, хотя и далеко ниже песен Кольцова.{25}

Как эстетик и критик, Мерзляков заслуживает особенное внимание и уважение. Ученик Буало, Баттё и Лагарпа, он следовал теории, которая теперь уже вне спора и даже насмешек; но он следовал ей и проповедывал ее, как умный и красноречивый человек. Ложны были его основания, но он был им везде верен и развивал их последовательно и живо. Словом, в этом отношении на Мерзлякова можно смотреть, как на умного представителя литературных понятий целой эпохи. В ошибках его виновато его время; достоинства его принадлежат ему самому. Вот почему его теоретические и критические статьи и теперь приятно читать, хоть и несколько не соглашаешься с ними. В 1812 году Мерзляков читал публично в Москве теорию изящного, в доме князя Б.В. Голицына. Чтения эти были напечатаны в «Вестнике Европы» 1813 года. Не знаем, были ли возобновлены когда эти чтения, но в издававшемся им в 1815 году журнале «Амфион» напечатано только чтение, в котором он определяет изящное, понимая его так: «При надлежащей стройности, правильности и точности подражания, занимательность предмета, основанная на отношении его к нам самим».

Первыми нашими критиками были Карамзин и Макаров. Особенно славились в свое время – разбор Карамзина «Душеньки» Богдановича, а Макарова – сочинений Дмитриева. Критика эта состояла в восхищении отдельными местами и в порицании отдельных же мест, и то больше в стилистическом отношении. Обыкновенно восхищались удачным стихом, удачным звукоподражанием и порицали какофонию или грамматические неправильности. Не такова уже критика Мерзлякова. Ложная в основаниях, она уже толкует об идее, о целом, о характерах; она строга, сколько может быть строгой. Для критики Мерзлякова писатели русские уже не все равно велики; но один выше, другой ниже, и все не без недостатков. Она благоговеет перед Сумароковым и тем с меньшей суровостью выставляет его недостатки. Она видит в Хераскове знаменитого поэта, и от нее плохо пришлось его «Россиаде». Огромный разбор «Россиады», написанный Мерзляковым, возбудил общий ропот, хотя этот разбор написан не только с уважением, но и с любовью к Хераскову. Критика Мерзлякова была смела не по времени и притом нерешительна, а потому одних оскорбила, других ужаснула, третьих не удовлетворила и немногим понравилась. Во всяком случае, эта критика принадлежит к любопытнейшим фактам истории русской литературы. Она напечатана в целых семи книжках «Амфиона».

Но еще любопытнейший факт истории русской литературы представляет собою журнал, издававшийся в 1815 году молодым человеком, студентом Московского университета – Павлом Строевым. Журнал этот назывался «Современный наблюдатель российской словесности» и заключал в себе статьи преимущественно критического содержания. Из таких статей самую умную, живую, юношески смелою и благородною, самую интересною была «О Россиаде», поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.). Не можем не выписать здесь начала первого письма:

«Что скажете теперь поборники славы Хераскова, – пишете вы, милостивая государыня, – г-н Мерзляков покажет истинные достоинства его поэмы». Эти слова сильны в устах ваших. Хотя я не ищу славы быть поборником Хераскова, однакож мнение мое об его поэме, мне кажется, не совсем несправедливо. Охотно бы желал

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru согласиться с вами, но некоторые обстоятельства уверяют меня в противном. Я говорю не с теми из вашего пола, кои, выслушав лекцию какого-нибудь профессора, все похваляют, все превозносят. Вы, милостивая государыня, сами занимаетесь словесностью; вы читали древних и новых писателей; имеете отличный вкус и редкие познания. Какие приятные воспоминания производят во мне те зимние вечера, когда мы пред пылающим камином рассуждали о русских сочинениях. Споры наши бывали иногда жарки, я с вами не соглашался, представлял доказательства, и вы, с нежною улыбкою, называли меня Катонем в словесности. Кто подумает, чтобы девушка в цветущих летах своего возраста и в наше время занималась словесностью; чтобы девушка, говорю я, знала язык Гомеров и Виргилиев. Я вижу румянец стыдливости на щеках ваших, но похвалы мои не лестны; они невольно вырываются из уст моих. В какой восторг приведен я был вашим желанием возобновить наши суждения – но увы! они останутся только на бумаге; ничто не может заменить вашего присутствия. Разговоры в письмах будут сухи: сладостное красноречие девушки, приятная улыбка лучше всяких логических доказательств.

Нет сомнения, что г. Мерзляков предпринял полезный труд, разобрав *Россиаду*; жаль только, что она не может стоять на ряду с произведениями, обессмертившими имена своих сочинителей. Я думаю, даже не многие имели терпение прочитать ее. Отчего же ее так хвалят? Оттого, что вкус публики у нас еще не установился. Дамон прославляет Нового Стерна – десять человек, не читавших даже сей комедии, с ним соглашаются; Клит называет его сочинением глупым – и сотни готовы повторить его ругательства. Бесспорно, Сумароков был единственным стихотворцем своего времени; но кто станет ныне восхищаться его сочинениями? Между тем Сумарокова считают стихотворцем образцовым, достойным нашего подражания. Закоренелые мнения опровергать трудно: это то же, что силиться вырвать огромный дуб, в продолжение целых веков пускавший в недра земли своей корни. Конечно, сии мнения ослабеют и совершенно лишатся своего достоинства, но это требует времени. Между тем истинные дарования остаются иногда в неизвестности. Тысячи рукоплещают при представлении Недоросля, но многие ли понимают истинные достоинства сей комедии? Многие ли знают, что она достойна стоять на ряду с *Мизантропами* и *Тартюфами*? Не стыдно ли даже нам, что мы не имеем полного собрания сочинений г. Фонвизина, сего бессмертного писателя, коим по всей справедливости мы можем гордиться. То, что я сказал о Сумарокове, можно отнести к Хераскову и к некоторым другим стихотворцам. Они приобрели похвалы от своих современников, коих вкус был еще не образован. Сии похвалы беспрестанно повторялись, и стихотворцы приобрели великую славу». {26}

Г. Павел Строев доказал ясно и неопровержимо, что «*Россиада*» и по содержанию и по форме – сущий вздор; что историческое событие в ней искажено, характеры перевраны, чудесное нелепо, поэтические краски сухи и холодны, выражение дико. В заключение он находит во всей «*Россиаде*» только десять сряду хороших стихов:

Каким превратностям подвержен здешний свет!
В нем блага твердого, в нем верной славы нет:

Великие моря, леса и грады скрылись
И царства многие в пустыни претворились;
Гремел победами, владел вселенной Рим,
Но слава римская исчезла яко дым,
И небо никому блаженства не вручало,
Которого б лучей ничто не помрачало.
Не может счастья не меркнуть красота;
И в солнце, и в луне есть темные места.

И это действительно лучшие и единственно хорошие стихи во всей «*Россиаде*». Какой страшный урок был преподан этим юношею разным ученым колпакам!..

При именах Жуковского и Батюшкова нельзя не вспомнить имени князя Вяземского. Он действовал как поэт и как критик, и в обоих случаях деятельность его всегда вызывалась каким-нибудь обстоятельством. Все стихотворения его – то, что французы называют *pieces de circonstance* [7]. Общий характер их – светский, салонный; но между ними некоторые показывают в поэте живого свидетеля вечера жизни Державина, воспитанника Карамзина, друга Жуковского и Батюшкова. Как автор двух статей критического содержания – «О характере Державина» и «О жизни и сочинениях Озерова», князь Вяземский более замечателен, нежели как поэт. В этих статьях он является критиком в духе своего времени, но без всякого педантизма, судит свободно, не как ученый, а как простой человек с умом, вкусом и образованием, и излагает свои мысли с увлекательным жаром и красноречием, изящным языком. С появления Пушкина для князя Вяземского настала новая эпоха деятельности: стихотворения его, не изменившись в духе, изменились к лучшему в форме, а прозаические статьи его (как, например, разговор классика с романтиком,

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru вместо предисловия к «Бахчисарайскому фонтану») много способствовали к освобождению русской литературы от предрассудков французского псевдоклассицизма.

С 1813 года начали проникать в русские журналы темные слухи о каком-то романтизме. В «Духе журналов» даже была переведена грозная статья против Августа Шлегеля, в защиту классического французского театра. Вместе с романтизмом стали вкрадываться в наши журналы слухи о каком-то великом английском поэте г-не Бироне, Бейроне или Байроне.^{27} В «Вестнике Европы» 1813 года было напечатано маленькое стихотворение Пушкина «На смерть Кутузова».^{28} В «Российском музее или Журнале европейских новостей» на 1815 год, издававшемся В. Измайловым, то и дело печатались лицейские стихотворения Пушкина. Но в ученике и подражателе Державина, Жуковского и Батюшкова никто еще не предузнавал будущего великого поэта России... В 1820 году появилась в свет первая поэма Пушкина «Руслан и Людмила», а в журнале «Сын отечества» с этого времени стали появляться мелкие его стихотворения... Тогда-то возгорелась ожесточенная война на перьях между классицизмом и романтизмом и начался крутой переворот в литературных понятиях и воззрениях... Карамзинский период русской литературы кончился...

Сноски

1

Кресчендо (итал.) – нарастая. – Ред.

2

«Сочинения в прозе и стихах» Константина Батюшкова, издание второе, 1834, ч. 1, стр. 43.

3

Поэт нашего времени вместо «с невестой молодой», сказал бы: с «невестой молодою», – и оно, разумеется, было бы лучше; но во время Батюшкова большую полагали красоту в славянизме слов, считая его особенно приличным для так называемого «высокого слога».

4

Эпитет «засеянного костыми» неточен в отношении к Тибру: это можно было сказать только о холмах, на которых построен Рим, или о земле Италии вообще.

5

«Гармония природы». – Ред.

6

«Леса и жители полярных стран». – Ред.

7

Стихотворения на случай. – Ред.

Комментарии

1

Стихотворения Батюшкова, кроме журнальных публикаций, при жизни поэта (умер в 1855 году) выходили дважды отдельными изданиями: в 1817 году – «Опыты в стихах и прозе» и в 1934 году – «Сочинения в прозе и стихах». В обоих изданиях стихотворения помещены во 2-й части. Белинский пользовался вторым изданием.

2

См. примеч. 220. (текст примечания: «Приводимые Белинским стихотворения из греческой антологии Батюшкова были переведены последним с французского подстрочника, сделанного для него С. С. Уваровым. Впервые были изданы в 1820 году в виде приложения к брошюре Уварова о греческой антологии. В данном случае Белинский цитирует по второму изданию «Сочинений в прозе и стихах» Батюшкова. Спб., 1834, в двух частях (стихи во второй части).»

3

Белинский цитирует точно, но в самом издании 1834 года этот стих напечатан неверно; нужно: «Восторги пылкие и страсти упоенье».

4

Об Аполлоне Майкове. См. во втором томе специальную статью и в наст. томе примеч. 16.

5

О Крешеве (умер в 1859 году) см. «Письма» Белинского, т. III, стр. 283, 288, 295, 296. О Фете, т. II, стр. 195, 333, в Полн. собр. соч. т. VIII, стр. 20, т. IX, стр. 132, т. XI, 298.

6

«Вакханка» (1815). Пушкин писал об этом стихотворении: «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» («Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова»).

7

У Батюшкова: «Печальную лобзал последним лобызаньем» (т. II, стр. 18).

8

У Батюшкова: «Богами ввержены во пропасти бездонны» (т. II, стр. 21).

9

У Батюшкова это стихотворение называется «Ложный страх». Дальше Белинский называет его верно.

10

«Мои пенаты» (1814) является посланием к Жуковскому и Вяземскому.

11

У Батюшкова: «Что свиты над окном» (т. II, стр. 129).

12

У Батюшкова: «Так ум мой посреди сомнений погибал» («К другу», т. II, стр. 88).

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

13

Из стих. «Мои пенаты» (1811).

14

У Батюшкова: «неувядающими» (т. I, стр. 38).

15

Психическая болезнь Батюшкова с 1821 года поставила его вне литературы. Однако Батюшков прожил до 1855 года. Познакомился он с Пушкиным еще в 1815 году, побывав у него в лицее проездом через Царское село. Батюшков знал не только лицейские стихи Пушкина, но и отдельные главы «Руслана и Людмилы» еще до того, как поэма была закончена и напечатана. Что касается знакомства Пушкина с поэзией Лермонтова, то прямых указаний на это не имеется. Однако возможно, Пушкин читал поэму Лермонтова «Хаджи Абрек», появившуюся в «Библиотеке для чтения» в 1835 году, т. XI.

16

У Батюшкова «А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов» (т. II, стр. 13).

17

У Батюшкова: «Уж скальды пиршество готовят на холмах» (т. II, стр. 14).

18

У Батюшкова: «Вас, вас приветствует из сих унылых стен» (т. II, стр. 4).

19

Последние стихи действительно выкупают все остальные. Пушкин в «Заметках на полях «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова» (ориентировочно 1827–1828 гг.) иронически отозвался: «Это умирающий В(асилий) Ль(вович), а не Торквато». Василий Львович – дядя А.С. Пушкина, поэт.

20

Из стих. «Воспоминания» (1814).

21

Белинский имел в виду, конечно, следующие стихи, начинающиеся словами:

«Властитель и тиран моих плачевных дней!
Кто право дал тебе над жизнь мою?» – и т. д.

22

Издана в 1825 г., ч. I.

23

У Мерзлякова: «Куда нас грозный глас судьбины посылает?» (стр. 37).

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
24

Этот стих отсутствует в переводе Мерзлякова. Нет его и в переводе С.Е. Раича, издания 1828 года.

25

Наиболее распространенные песни Мерзлякова «Среди долины ровные», «Чернобровый, черноглазый молодой удалец», «Для чего летишь, соловушка, к садам» и др. См. в наст, томе примеч. 136.

26

«Современный наблюдатель», 1815 г., ч. I, № 1, стр. 9–12 (см. в наст. томе примеч. 149).

27

Одно из первых упоминаний о Байроне встречается в «Российском Музеуме» за 1815 год, № 1 стр. 57: «Лорд Бирон есть один из нынешних славных поэтов английских».

28 Стихотворение «На смерть Кутузова» (1813) было написано не А.С. Пушкиным, а его дальним родственником Алексеем Михайловичем Пушкиным (1771–1825). Впервые в печати А.С. Пушкин выступил с стих. «К другу стихотворцу» в «Вестнике Европы» за 1814 год (ч. LXXVI, кн. 13, стр. 9–12).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!